

УДК: 398.33 (=161.3) (571.14)

Т. В. Дайнеко

Институт филологии СО РАН

**Фольклорные традиции села Колбаса: основные вехи народного календаря
(по воспоминаниям Евы Ивановны Павлюковой)**

В статье содержится небольшая часть материалов, записанных автором в селе Колбаса Кыштовского района Новосибирской области в 2016 г. в ходе фольклорно-этнографической экспедиции. Село Колбаса было основано в конце XIX века крестьянами – белорусскими переселенцами и долгое время считалось моноэтническим. Белорусская фольклорная традиция жива в селе до сих пор. В статье представлена расшифровка эпизодов беседы с одной из представительниц потомков белорусских переселенцев – Евой Ивановной Павлюковой, в которых она раскрывает особенности календарных обрядов села Колбаса. Опубликованы сведения о проведении таких праздников, как Рождество, Новый год, Крещение, Масленица, Пасха, Радоница и других. Приводятся вербальные тексты ряда песен, исполненных Е.И. Павлюковой. При расшифровке и публикации рассказа информантки сохранены её характерная лексика и особенности произношения. Цель статьи – ввести в научный оборот новые материалы по фольклору белорусов-переселенцев Сибири.

Ключевые слова: фольклор белорусов-переселенцев Сибири, календарные обряды и песни белорусов Сибири, материалы экспедиции, полевая фольклористика.

В августе 2016 г. состоялась комплексная фольклорно-этнографическая экспедиция в Кыштовский район Новосибирской области, проведённая сектором фольклора Института филологии (ИФЛ СО РАН) и Новосибирским областным центром русского фольклора и этнографии (ОЦРФиЭ)¹. Маршрут экспедиции охватил сёла Кыштовка (районный центр), Малая Скирла, Камышинка, Колбаса, Крутиха. Цель экспедиции – собрать историко-этнографическую информацию о проживающих в указанных населённых пунктах представителях белорусского этноса, а также записать сохранившиеся в их памяти образцы традиционного фольклора. Последние предполагалось использовать при подготовке второй части белорусского тома академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

¹ Финансирование экспедиции осуществлялось за счёт средств, полученных по Федеральной целевой программе «Сибирская фольклорно-этнографическая экспедиция-2016». В подготовке и проведении экспедиции принимали участие младший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири ИФЛ СО РАН Т. В. Дайнеко (руководитель), научный сотрудник того же сектора Е. Л. Тирон и сотрудники ОЦРФиЭ: зав. отделом экспедиционно-исследовательской работы Т. Ю. Мартынова и зав. отделом народного творчества Л. В. Суровяк.

Дайнеко Татьяна Владимировна – младший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН.

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация.
E-mail: tan-dai@mail.ru; тел.: (383) 330-14-52.

В целом экспедиция прошла максимально результативно. Собрана ценная информация по народному календарю, записано несколько вариантов свадебного обряда. Выполнены различные формы фиксации материала: аудио- (более 250 фольклорных единиц: лирические песни, календарные, свадебные, баллады, духовные стихи и другие жанры), видео-, сделаны фотографии информантов, предметов быта, внешнего и внутреннего убранства домов, пейзажей и т.п.²

Село Колбаса было основано в 1890 г. крестьянами-белорусами, в основном выходцами из Могилёвской губернии, переселившимися в Сибирь в ходе аграрной Столыпинской реформы. Жители считают, что пейзажи по берегам реки Чёка (приток реки Тара), где располагается село, напоминали перво-

восселенцам ландшафты родного края – Белоруссии. В разные годы в село переселялись также выходцы из Брянской, Калужской, Смоленской и других областей. Однако численный перевес белорусов и хорошая сохранность белорусской культуры в течение долгого времени позволяли считать село моноэтническим. Белорусская фольклорная традиция села жива до сих пор. Например, её преемниками стали участницы фольклорного ансамбля «Зяюля» И. В. Карпалёва, 1970 г.р. и И. П. Бондарева, 1964 г.р.: все старинные песни из репертуара ансамбля, а также манера их исполнения были переняты от старших по возрасту жительниц Колбасы и окрестных сёл. К сожалению, большая часть представителей старшего поколения уже ушли из жизни³. С некоторыми из оставшихся удалось встретиться в ходе экспедиции.

В настоящей статье содержится лишь небольшая часть материалов, записанных в селе Колбаса, – фрагменты беседы с Евой Ивановной Павлюковой (в девичестве Бондаревой; см. фото), 1929 г.р. Родители её – отец родом со Смоленщины, мать могилёвская, – будучи совсем молодыми, переехали вместе со своими семьями в Сибирь, поженились уже на новом месте жительства. Сама Е. И. Павлюкова родилась в Кол-

басе и прожила всю жизнь в родном селе, имеет начальное образование (4 класса), замужем с 19 лет, вырастила четверых детей (всего их было шестеро). Самые важные события её жизни происходили в соответствии с традиционными канонами – в частности, свадьба: «замуж я шла ще с вянком», о чём она рассказала участникам экспедиции. От неё же были записаны сведения о крестьянском труде, бытовом укладе, особенностях воспитания детей и др. В данной статье представлены те эпизоды интервью с Е. И. Павлюковой, в которых она раскрывает особенности календарных обрядов села Колбаса⁴.

Отметим, что в речи информантки сохранилась характерная лексика и особенности произношения: например, фрикативное «г», типичные глагольные окончания (*пойде, нясутъ*), нелитературные ударения и другие признаки, по которым можно идентифицировать её этническую принадлежность. Однако она сама отмечала, что в течение жизни её речь и речь членов её семьи постепенно русифицировалась, объясняя это, в частности, их стремлением приобщиться «к культуре». Кроме того, она считает это следствием постоянного общения с людьми, принадлежащими к разным традициям: «Как стали населяться – кто где попало. Но всё равно ж каждый своё поверие знае. Я помню вот лук

² Материалы экспедиции хранятся в личных архивах собирателей, а также в архивах ОЦРФиЭ и сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН. В данной статье публикуются фото Т. В. Дайнеко: на с. 64 – Ева Ивановна Павлюкова, 1929 г.р.; на с. 66 – дверь дома в селе Колбаса.

³ Численность населения Колбасы неуклонно сокращается. Так, в 2010 г., по данным Всероссийской переписи населения, в селе проживало 180 человек (URL: <http://www.webcitation.org/6gXy3qtCY>).

⁴ Интервью записано 18 августа 2016 г. в доме Е. И. Павлюковой в с. Колбаса Камышинского района Новосибирской области. Собиратели: Т. В. Дайнеко, Т. Ю. Мартынова, Л. В. Суровяк. Аудио- и видеозаписи беседы, а также фотографии хранятся в указанных выше архивах (см. сноску 2).

у нас старенькие старушки называли *цубуля* – это по-белорусски⁵. *Квашонка* – это дежка, [в ней] хлеб стряпали. *Шайка* – это свиням [еду] наводили, кадушка такая. Помню это всё (*смеётся*). А тогда, как уже стали всякаи люди поселяться, начал и забывать тые слова, которые раньше говорили люди».

В сделанной нами письменной расшифровке рассказа Е. И. Павлюковой не все из этих особенностей нашли отражение: фрикативное «г» следует подразумевать по умолчанию, некоторыми чертами фонетического строя пришлось пожертвовать ради удобства восприятия текста читателем. С этой же целью не указано, кто именно из собирателей задаёт вопрос. Эпизоды интервью расположены по годовому календарному кругу, хотя в живой беседе мы иногда забежали вперёд, а иногда – возвращались назад, чтобы уточнить детали.

Святки (Рождество, Новый год, Крещение). По воспоминаниям Е. И. Павлюковой, святочный период в селе Колбаса содержал все основные обрядовые элементы – обходы дворов с пением похвальных песен, гадания, молодёжные вечерки. По словам информантки, песенный репертуар в эти дни особо не отличался. Она смогла напеть некоторые из песен или хотя бы проговорить их текст.

«Христославить» или «славить» – «у нас это [так] называли» – ходили и дети, и взрослые (в основном молодёжь). Взрослые пели «Рождество», «Хрещение» (тропари), «а ребятишки, которые малые бегали, вот эта запомнила (*проговаривает текст, смеиваясь*):

Христолаў, христослаў,
Мене батька послаў,
А вы, люди, знайця,
Кусок сала дайця.
Дайця мне колбасу,
Я домой понясу.
Матка сжарить,
Батька похвалить».

Эту же речевую колядку дети исполняли на Новый год, в этот день под неё можно было посеять. Взрослые в эти дни также пели «на один голос» песню, текст которой Ева Ивановна проговорила:

«А [в] пули, пули⁶ Дева Мария,
Дева Мария ризу⁷ носила,
Ризу носила, Бога просила,
Штоб Бог народиў, сам Господь ходиў,
Жито-пшаницы, всякой пушницы⁸.
Сею-вею, посеваю,
С новым годом проздравляю!»

Во время колядования «раньше помню – чуть я помню! – звезду носили. А уже когда мы взрослые были, тех людей, наверно, не стало...»; из чего делали «звезду», Ева Ивановна сказать не смогла. Дети колядовать ходили утром: «Вот как уже подымаются, в это время ходят всюю дети». Колядовщиков пускали в дом, угощали их тем, «што есть»: «Ну конечно, яичечко там какое, или гостинец какой, или копейку там какую. Особенно если копейку дашь – ох, как дети рады тогда!» Был период, когда колядование запрещалось властями: «Запрещали! Не ходили ни дети, никто. Даже если ученики какие сходили, то их наказывали в школе за это, што христославили».

Для молодых девушек важными обрядами святочного периода были гадания. Ева Ивановна описала интересный способ гадания «на двенадцать травин»: «Раньше заградочек (т.е. забор. – Т. Д.) редко у кого были, и вот, брали бегали с етых заградочек двенадцать травин. Тогда саженцев еще никаких не было, а вот какие лишь бы травинки или цвяток какой [сухой взять]... И вот ходили по всей деревне, у кого загородь эта ловили. Чтобы из двенадцати заградочек его собрал ты. И собярёшь, и потом уже приходишь, это в пучок связываешь и под голову ложишь под подушку, ложисся спать. И вот загадываешь: “С кем мне век вековать, приди ко мне ночевать” (*смеивается*). Вот тот жених тебе приснится».

⁵ Характерной особенностью произношения Евы Ивановны Павлюковой является «у́канье» (здесь: *цубуля* вместо *цыбуля*).

⁶ Так произносит исполнительница; должно быть: «а в поле, поле».

⁷ С таким ударением произносит Е. И. Павлюкова – вероятнее всего потому, что проговаривает текст песни, а не поёт её.

⁸ В нормативном произношении: *пшаница* – т.е. то, что выращено на пашне, злаковая культура.

Гадали также с помощью валенка: «А которые ходили с ног етый обуток перябрасывали через воротá. – Куда носок смотрит, там жених живёт? – Да-да-да! А ребята подцелются ды схватят твой етот обуток и унесут. И сиди тогда босякá, домой как иттить? (посмеивается) Приносили ж оне всё ж...» Девушки «ще слушать выбегали [за ворота ночью]: в каком краю звон, у тот край замуж пойдёшь. А если тихо, то в тот год не выйдешь. Бог знает, правда или неправда ето...» Самым опасным считалось гадание в бане: ровно в двенадцать часов ночи надо было высунуть руку в душник (небольшое окошко для вентиляции). «Если тебе кто поймает, – руку́ чувствуешь, что рука лохматая, то ета богатый жаних будеть. Которые делали – боялись сами (смеётся): только руку сунут и опять назад. Никого никому ничё не признавалось. Всяко придумывали!» Маленьким девочкам гадать не разрешалось: «особенно под праздник годовой, Боже упаси, чтобы они ходили, дети, – детей не пускали никогда».

Даже девушки постарше могли заниматься этим лишь с разрешения старших: «когда родители пустют».

Накануне Крещения существовал обычай «закрещивать» двери домов и надворных построек, ворота, столбы и пр. – рисовать на них мелом кресты. Делалось это в целях защиты обитателей жилища от дурного глаза и нечистых сил. На фото: дверь дома в селе Колбаса (соседнего с домом Е. И. Павлюковой), на которой видны крещенские кресты, а также сохранилась ветка берёзы, прикреплённая накануне Троицы и служившая украшением и оберегом.

Молодёжь и подростки устраивали на Святки вечерки. Сохранению традиционного святочного развлечения способствовало то, что досуг в сельском клубе был доступен только взрослым: «У нас подростков, Боже упаси, чтобы у клуб пустили. Приди на крылечко – так тебе с крылечка быстро спустют. А ўже у старух каких-нибудь – просилися, к бабушек. Там уже тада, как вячёрка пришла, ты ўже тада убираешь всё, помоешь всё. Не помоем – другой раз не пустит тебе тада бабушка ета, не даст тебе проводить [вечёрку]. Которым родители даже разрешили свои, у себя [в доме] собраться». Обычно избу снимали у какой-нибудь одинокой односельчанки (у неё при этом могли быть и дети): «А тада ж полно одиноких было, после войны...» Платой служила уборка после вечерки, а также присутствие хозяйки на гулянии: «Тут вот у нас соседка жила – тая прям вместе с нами [гуляла], еше больше совершить, чем мы (смеётся). В чекаду вот будем гулять (т.е. играть в игру под названием «чекада». – Т. Д.), в лапту на улице, как только маленечко просохнет, – йна с нами ўсегда бегала, всегда-всегда играла. Была шибко шутная бабушка! – Она вас всегда пускала на вечерки? – Всегда-всегда. – Вы ей что-нибудь дарили в конце? – А кого? Нет! Только что вот сама она сходить, ей веселей тогда. Хорошая была».

На вечерках играли в разные игры: «в угольки», «у вдову». «В разлуку играли: вот становятся парами, а один без пары. И вот который понравился етому, бьёт [его] и убегает, чтоб подальше убець. А ты догоняешь яго. А етот, что остался без пары, опять сабе пару ищет. И потом обратно идуць и назад становятся».

Участники вечерки пели песни, частушки: «У нас была одна девка... две их было – тут же на ходу, сразу частушку сложить, и пели всё эти частушки». «Танцевали. Танцы ж всякаи разные были. Мне нравилось краковяк и полечка». Танцы сопровождала игра на инструментах: плясали «под гармошку, под балалайку, если гармошки нет. Лишь бы игра была». Однако иногда аккомпанемент мог быть и иным: «У нас полечку плясали, всё как-то через колено кружились. Не так, как всегда танцуют, а как-то еше интересней. И так чётко выходило, всё притопывали. И подпевали. – Даже подпевали, “под язык”? – Да. Краковяк етый я помню только слова три: “Русский, немец и поляк танцевали краковяк, а ни этак, а ни так, не выходит краковяк”. Как только пойдём, так ето начинали петь». Кадрили принадлежали к другой локальной традиции, но постепенно проникали и в село Колбаса: «А Тынгица, три километра была деревня⁹, вот еты – поляки, вот еты всё кадрили... Как ужо стали делать голусования, вот тут оне приезжали и всегда еты кадрили у нас танцевали. А которые и наши наўчилися, были деўки проворные. На четыре пары танцевали».

⁹ По данным Всероссийской переписи населения, в 2010 г. в деревне Тынгица Кыштовского района Новосибирской области проживали 6 человек (URL: <http://www.webcitation.org/6gXy3qtCY>).

Масленица. На Масленицу в селе Колбаса соблюдался обычай делать чучело – и не одно на всю деревню, а несколько, для каждой компании гуляющих людей: «Вот наша компания собралась, мы вместе гуляем. Захотели: “Ай, чучело дывайте сделаем!” Сделали чучело». Для его изготовления использовали обычно ненужную одежду: «Со старых [вещей делали] каких-нибудь. Палку возьмут, сделают как хрест, привяжут. Кухвайку натянут на ету, шапку тут наденуть, соломы напихают...» Чучело полагалось повозить по деревне и «тада палють ўже на улице. Много! Мы тут палим, там другая компания палит». Всё это происходило «токо када проходить Масленица, в последний день, в воскресенье. Вечером, конечно. Через костёр прыгали». В масленичных гуляниях участвовали и ряженые: «снаряжались которые, дурачились. Это ўжо “дурачиться” у нас тада называли. Это чтобы веселей провесть время». Традиционными развлечениями этого периода были катания с гор и на лошадях, в которых участвовали и дети, и взрослые: «Катались! Горку некада было строить. У нас горка была крутая-крутая вон на речке, возле кузницы. Вот там катались всё на горке». Лошадей «вот что на свадьбу украшали, даже и колокольчик иной раз привяжут, ездили по улице». Е. И. Павлюкова утверждает, что в этот период пели много «маслениских» песен, но вспомнить смогла только одну – шуточную, в которой традиционно высмеиваются парень и девка, не создавшие семью до Масленицы. «Песни какие-то пели, но я их не одной не знаю. Я и не завяду щас на мотив... (ноём):

Ой, Масленка, белый сыр,
Чего, Ванька, не женился, сукин сын?
Ой, Масленица, белая мука,
Чего, Танька, ня вышла замуж, сукина дачка? (смеётся)».

«Как же еще тожа говорили: “Как я в батьке заговела – чтоб у мойго батьки борода погорела” (смеётся)».

Обычая ходить в гости к родственникам на масляной неделе информантка не помнит. «Милые мои, я не помню, потому что нам некада было ходить из-за работы. Люди были в работе шибко заведенными. Это вот сейчас никакой работы. Вот сейчас бы те люди поднялись, ды сказали б им, что без работы люди сидят – некада б не поверили. Особенно мужчины. <...> Шибко работа была страшная у нас в деревне».

Сороки. По воспоминаниям Е. И. Павлюковой, когда она растила своих детей, то есть в 1950–1960-е гг., сохранялась только одна из составных частей этого весеннего праздника – приготовление особой еды. «– Уже потом, после Масленицы, птичек не пекли у вас из теста? – Пякли. – В какой день? – На Сороки. – Испекли птичек, и что с ними делали потом? – Ну, ребятишки ели. Свои таскали. Наделаешь таких яичек – это вот вам сорока нанесла яичек. Ребятишки играли тада. Играют – тут же и едят их. А так [песни] не знаю я. Много-много ничо́го не знаем мы, что раньше было».

Пасха. «А взрослые у нас – Пасху ходили пели. На второй день Пасхи всё ходили вечерами под окошком. Это ўже стишок совсем другой, который на Пасху поётся. Как же ета... (ноём):

Под окно идём, добрый день несём.
Христос воскрес, сын Божий!
А ти спишь-ляжишь, сам пан-хозяин?
Христос воскрес, сын Божий!
А кылда ня спишь, говори со мной.
Христос воскрес, сын Божий!

(Смеётся.) Всё уже, не могу... (Дальше вспоминает и только проговаривает текст песни.)

Раствори окно, погляди в гумно.
[Христос воскрес, сын Божий!]
Что у том гумне чудо явилось.
[Христос воскрес, сын Божий!]
Чудо явилось, церковь становилась.
Христос воскрес, сын Божий!»

Петь поздравительные пасхальные песни, по воспоминаниям Е.И. Павлюковой, ходили и мужчины, и женщины: «Человек по двенадцать собирались. Конечно, не все пели. Которые вже ўмели – пели, а ети так». Заходили в те дома, к кому хотели. Хозяева одаривали поющих: «У кого стакан самогонки етой или у кого бутылка куплёная – давали». Чтобы собирать дары, поздравляющие (специального названия для них – типа «волочечники» – информантка не вспомнила) носили с собой корзину, «битончик под самогонку под ету возьмут». После обхода домов веселье продолжалось: «А потом собираются к кому-нибудь в дом и продолжают дальше свою игру – пають и пляшуть, что хотят делают. Даже еще и назавтре останется в их похмелиться – похмеляются, завтра собираются. Весело было!»

Радоница. В селе Колбаса, в соответствии со славянской традицией, это был «родительский день – после Пасхи через девять на десятый день». Накануне наводили порядок на кладбище, на могилах родных: «На саму Радоницу уже не чистят. А перед Радоницей приходят, и чистят – и кладбище, и всё». На Радоницу существовал обычай троекратного обхода кладбища с пением молитвы: «раньше всегда кругом кладбища три раза пройтись – все собярутся, и один с одним так, кругом три раза и пропоют “Христос” (то есть пасхальный тропарь, но этого слова информантка ни разу не произнесла. – Т. Д.). И потом и на кладбище поют “Христос”».

Временные периоды, в которые можно было петь определённые тропари, были строго регламентированы: «До Вознесения “Богородицу” у нас не пели, до Вознесения пели всё “Христос”. А как Вознесение прошло, уже этот “Христос” кончается, не поют, а “Богородицу” пели всегда [в это время]».

Троица. Этот день был насыщен обрядовыми действиями и песнями. Молодёжь и взрослые собирались и шли «в край деревни... к речке. Возле речки там венки завивали, пускали вянки. И песни тоже пели такие ж самы, как вянки завивать (то есть троицкие. – Т. Д.)». Венки плели из веток берёзы; во время их плетения девушками и пускания по воде могли присутствовать и парни. Существовал обычай заплетать ветви деревьев: «На берёзках завивали, помню, венки. Завязывают вот два сўка вместо (так произносит информантка; «вместе». – Т. Д.), и потом уже, няделя пройдёт, надо их развить. А то, говорили всё, если их не разовьёшь, то будут русалки кататься на етых качелях. – А зачем завивали, для чего это было? – Ну, загадывали что-то». Здесь же, на берегу реки, готовили обрядовую еду, где центральным блюдом была яичница-глазунья на сале или на сливочном масле.

Е. И. Павлюкова отмечает, что этот праздник отличался насыщенностью хороводами: «особенно на Троицу водили хороводы», «на Троицу всё пели хороводские песни». Уже когда шли к реке, могли завести орнаментальный хоровод, с выбором пары и переходом с нею в конец шеренги: «вот через пару всё переходили, переходили – один через одного, и так до самой до речки туда, у край деревни сходили, пели». Каждое обрядовое действие сопровождалось песней. К сожалению, песни информантка спеть не смогла, вспомнила лишь, что в одной из них пелось про «кумушек». Из хороводных песен смогла назвать «В нас по морю, морю синему» и рассказала, что под эту песню хоровод водили «кругом», как и под большинство других хороводных песен. «Да, в кругу ходили. Даже не токо один круг, деревня была большая – два круга собирались, ходили. Вот в середине круг и [ещё один]. В одну сторону [водили хоровод]. Вот так вот (по часовой стрелке. – Т. Д.) ходили и всё пели песни етыя». Знаток хороводных песен и их заводилой была односельчанка (к сожалению, её имя, фамилия и происхождение остались неизвестными. – Т. Д.): «одна женщина у нас была, усё водила хороводы. Молодёжь полностью собярутся все. Она уже в круг войдёт, и она была заводителем. Она знала как [водить хороводы], и в каждой песне. И все хороводские пела она. Все выучили уже с ей, подпевали». Причём освоение фольклорной традиции происходило не только непосредственно во время пения и вождения хороводов, но и намеренно, специальным образом: «А кому интересно... я вот заинтересовалась [и прошу]: “Наўчи мене”. И все собираются и тада учутся петь». Е. И. Павлюкова констатировала, что с уходом из жизни этой женщины хороводная традиция села стала разрушаться, хотя некоторые из более молодых жителей села старались запомнить и сохранить песенный репертуар: «Много она песен знала! И вот одна она, женщина тая. Как ўже яе не стало, то у нас заглохло», «хоровод как надо не водили вже тада». «И мы тада, которые уже запомнили што, и вот еты старинные песни, мы тоже так же само от старых и учились. Заинтересовало нас».

Купала. Празднование этого дня, по словам информантки, сводилось к развлечениям, обычно детей: «– А Купалу отмечали как-то? – Только знали, что Иван Купала. Бегали ребятишки, обливались водой, и всё. – А обливались только чистой водой? – Только чистой. У кого наношена вода – летом же нанашиваешь, када поливать, – узнали, [что она есть] у тебе на дворе, тады вытаскают у тебе ту водичку всю, где ребятишки обливались (*смеётся*). А которые дурачились – и взрослые обливались».

Из **летних обрядовых действий**, сохранявшихся в селе Колбаса ещё во второй половине XX в., следует особо отметить ряд ритуалов, направленных на вызывание дождя. По словам Е. И. Павлюковой, если долгое время стояла жаркая засушливая погода, надо было украсть у вдовы горшки или крынки, сушащиеся на заборе, и бросить их в реку: «А ета у нас говорили... Я вот сейчас, что без мужика, – это вдова называется. Вот у вдовы раньше еты крынки, горшки глиняные, [которые] вывешивали на колья, чтоб просушивались, прожаривались, вот [их] крадут у етой вдове и в речку бросают, чтоб дощ пошёл».

С этой же целью группа женщин разного возраста ходила «перепаживать речку». Главными действующими лицами в обряде были вдовы и/или старухи. Они принимали решение, что пора совершить это ритуальное действие, брали небольшой плуг и шли к тому месту реки, где она была мелко-

водна и неширока. Одна из вдов держала плуг, две – «впрягались» в него. И в таком положении нужно было три раза перейти – «перепахать» – реку поперёк: «–Туды, назад и обратно.– А что-то при этом надо было говорить или петь? – Може, что и говорили, вот это я не помню, врать ня буду. – А потом им просто надо было идти домой? – Ну. И ждуть дожжика, когда Бог даст дожжик». Несмотря на серьёзность цели, обряд, по воспоминаниям Евы Ивановны, проходил очень весело: «– А много собиралось женщин? – Ну, один держать, а двое тянуть. Тут етыя хохочуть. Которые купаются, которые на берягу сидять. <...> Любые [женщины] сидели, а вдовы пахали».

Ещё один способ вызывания дождя – обход с иконой Богородицы берега реки и полей, нуждающихся во влаге: «И носили [старухи] Матерь Божию, икону. Вот в какую пятницу – забыла... Старухи собираются, на речку сходят, поють – “Богородицу” ету пели (тропарь. – Т. Д.) и ещё какие-то пели. Как токо жара – собираются старухи, и к речке идуть, и идуть с речки, где рожь посеяна – на рожь сходят с етой иконой, “Богородицу” всё пели. А потом назад ворачиваются. Другой раз и правда – дожжик пойдёт. Можя, и правда Господь так давал?»

Подчеркнём, что вообще конфессиональный компонент, судя по рассказам Е. И. Павлюковой, в локальной фольклорной традиции села Колбаса имел большое значение. Освещение этого вопроса может стать темой отдельной исследовательской статьи. Здесь же мы ограничиваемся констатацией сведений, имеющих отношение к народному календарю.

Петров день и Ильин день отмечали в основном тем, что воздерживались в это время от выполнения определённых работ. Существование запретов на некоторые виды труда – характерная черта большинства календарных праздников. Нарушение запрета, по представлениям жителей Колбасы, могло привести к неприятным последствиям, болезням. «–А праздновали ли такие праздники – Петров день, Ильин день? Что вы помните про это? – Праздновали, праздновали. Ну так, чтобы работу, которая вот особенная работа – прясть там, шить или рубить, такую большую работу не делали. А так много праздничков празднуют. Особенно зимой женщины ужю с пряжей етой – прясть они ня будут, ткать кросны они не будут, шить тоже ня будут. А ужю то разматывают мотки, то цеўки сучили всё, вязали, лён трепали в такие празднички. А ужю большую работу не делали. И вот тоже забыла – в какие ето всё в пятницы, что шить никада не надо, чтоб пальцы не болели. – В Параскеву? – Не знаю, не помню. Также вот говорили: шить никада не надо в етот день, чтоб пальцы не болели».

Покосные, жатвенные песни, по словам Е. И. Павлюковой, также бытовали в селе, но она их уже не знала, только слышала, что были такие песни. Были и вóсенские песни, они сохранились лучше – информантка смогла вспомнить название одной из них: «Вот “Закурився-задымився силён дробен дожжик” – это вóсенская».

Не раз в беседе она отмечала, что в прежние времена пение песен было строго регламентировано сезонностью. «Пели песни ўсякаи. Были и рожсвенские песни, и масленские песни, и ўсякаи-ўсякаи песни, какой праздник там – такие были песни. А мы не знаем сейчас как... Мы которые [песни] наўчили от старух [, те и пели]... А я ня знаю, ня помню [сейчас]. Раз ня помню, то бряхать не буду. А не знаю – и всё, это самый луччий ответ. Справедливой нада быть». С разрушением традиции приуроченность песен постепенно исчезала – их пели для удовольствия, на досуге, в любое время года. «Ну вот когда женщины собирались, когда сидят вот так вечером – ну чем заниматься? Песни! А песни – какая на ум взбрѣдает, ту и поёшь уже. Или весной ты, или летом, или осенью. Скажем: “Во, ету давай-ка споём”. Затягаваем, ды пели песни. Песни как попало пели. Но всё равно разбирались, какая: это вот вóсенская, ета вясенняя, а ета летняя. А пели так – кто надумается, так и пели эти песни. Особенно тада молодѣжь жа не пели, а мы вот со старухами – интересно нам еты песни старинные были. А когда сами поём, тада какая на ум взбрѣла – такую и пели».

Покров. Особых обрядовых действий, связанных с этим праздником, информантка не вспомнила, но отметила, что он знаменовал окончание работы в поле. «–Я помню, что говорили: “Покров – с поля долов”. Это уже старайся всё убирать, а то скоро зима. – Конец всякой работе полевой, да? – Да, да, да. Может, что-то и было, всяко ж было, но не помню».

Кузьминки. Этот праздник примечателен тем, что к нему обычно была приурочена большая ярмарка в районном центре: «– Ярмарки какие-то здесь не устраивали? – Ездили. На Кузьминск это называли, всегда-всегда ездили на ярмарку. – А куда ездили? – У Кыштоўку».

Никола Зимний. Несмотря на период запретов всех праздников, связанных с христианскими святыми, традиция «носить свечу» в этот день сохранялась в селе Колбаса вплоть до начала XXI столетия. Ева Ивановна Павлюкова сама не принимала участия в обряде, но смогла рассказать о нём достаточно подробно. «Микольщину делали. Собирали вечером под Миколу старух. По первости как запретили – ничего, всё умёрло. А тада всё ж таки бабки как начали, так стола два-три [участников обряда] собярутся». По воспоминаниям информантки, собирались женщины (в основ-

ном) и мужчины, «которые желающие носить эту свячу. Свечу одну носили. Возраст всякай-всякай. И молодые присоединялись, которым интересно». Большую общую свечу (видимо, сделанную из нескольких свеч обычного размера) брали из дома одного из участников обряда, где она находилась целый год, и несли с пением тропарей («Пели. “Богородицу”, наверно, пели. Или еще что») в другой дом с тем, чтобы оставить её там до следующего года. «– Когда нясутъ яё – дорожку сеном постилають. – Кто-то впереди идёт и сыплет сено, да? – Да, да... усю сеном дорожку стелють ету. Дорожку делают свече, чистую дорожку». Свечу полагалось поставить не на виду, в красный угол: «Где иконки, яе держали. <...> Вот посудина какая, там хлеба насыпано, пшаница или какое там зярно, и штобы она стояла». В доме, куда принесли свечу, «пируют, гуляют», хозяева собирают угощение: «Что у ей ёсть, то и становит на стол. А которые и сами – идуть и сами принясуть што. И назавтре еще собиралися и опять же продолжали гулять». Выбор следующего дома происходил достаточно произвольно, но могли учитываться возраст и авторитет жителей села: «– А за что выбирают, за какие-то особые заслуги женщин выбирают или как? – А просто. Вот которая самая пожилая, скажет: “Нынче мне свячу понесем”». Общая свеча переходила из дома в дом и сохранялась в течение многих лет. Традиция оказалась утрачена с уходом из жизни людей старшего поколения: «А в кого она (свеча. – Т. Д.) у нас осталася? Сейчас уже ни старух не стало, никого...»

В рамках небольшой статьи невозможно отразить все сведения, полученные от Евы Ивановны Павлюковой, поэтому мы ограничились пока лишь основными вехами календарного круга. Вообще представляется перспективной публикация материалов экспедиций именно в «живом» виде, то есть с сохранением особенностей речи, включением не только текстов фольклорных произведений, но и рассуждений информантов о жизни. Это позволяет представить локальную фольклорную традицию более выпукло, оставляя место для интерпретаций, и вместе с тем ввести в научный оборот архивные материалы.

T. V. Dayneko

Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation;
tan-dai@mail.ru

Folk traditions of the village of Kolbasa: folk calendar major stages
(according to Eva Ivanovna Pavlyukova's memories)

The paper contains a part of materials collected by the author in Kolbasa village (Kyshtovsky district of Novosibirsk region) during the folklore-ethnographic expedition in 2016. Kolbasa village was founded at the end of 19th century by peasants settling from Byelorussia and has been considered monoethnic for a long time. The Byelorussian folk tradition in the village is still full of life. The paper presents the transcription of the interview with one of the Byelorussian settlers descendants – Eva Ivanovna Pavlyukova where she discovers the peculiarities of Kolbasa village calendar rituals. The article publishes the information about such feasts as Christmas, New Year, Epiphany, Maslenitsa, Easter, Radonitsa and other. The author publishes texts of some songs performed by E. I. Pavlyukova. The transcription and publication of the performer's recital retains her individual lexicon and specific accent. The aim of the article is to introduce new materials on folklore of Belarusian migrants to Siberia for scientific use.

Keywords: folklore of Siberian Byelorussian settlers, calendar rituals and songs of Siberian Byelorussian settlers, fieldwork materials, field folklore study.